

А отъ рѣки Хунхэ приближалось подкрѣпленіе къ японцамъ, около роты, которая во время была замѣчена хорунжимъ Толстымъ.

Послѣдній быстро занялъ позицію правѣе деревни, разсыпалъ цѣпь, огнемъ которой японцы обстрѣливались съ фланга.

Это смѣлое движеніе Толстого дало возможность подобрать убитыхъ и раненыхъ, взять тѣло князя Эльдарова и отойти въ роццу, захвативъ японскія ружья.

Выполнивъ свою задачу и выведя у японцевъ изъ строя около 10 человекъ, Толстой сталъ отходить, прикрывая съ свободными людьми носилки съ убитыми и ранеными.

Японцы бросились преслѣдовать, но, встрѣтивъ отпоръ, снова повернули назадъ...

Наши отошли къ деревнѣ Цыютхо.

Бои отряда ген. Ренненкампа съ 14 по 22 февраля 1905 г.

Вслѣдъ затѣмъ какъ извѣстно вскорѣ былъ раненъ генераль Мищенко и генераль Ренненкампа, начальникъ отдѣльнаго отряда занимавшаго позиціи на лѣвомъ флангѣ впереди Далинскаго перевала, получилъ приказаніе отъ главнокомандующаго принять кавалерію генерала Мищенко, и я снова встрѣтилъ бывшаго начальника.

Вступивъ въ командованіе коннымъ отрядомъ на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ, генераль Ренненкампа 10-го февраля получилъ доспизицію, по которой на 12-е февраля назначалась бомбардировка Сандепу всѣми осадными орудіями, послѣ чего войска 2-й арміи должны были перейти въ наступленіе.

Настало утро 12-го февраля; мы съ нетерпѣ-

ніемъ ждали перваго выстрѣла изъ ближайшихъ къ намъ осадныхъ батарей.

Уже было 12 часовъ дня, а канонада еще не начиналась. Черезъ часъ генералъ Ренненкампфъ получилъ приказъ объ отмѣнѣ наступленія и своимъ назначеніи снова на лѣвый флангъ въ прежній отрядъ, куда я съ нимъ немедленно и отправился по желѣзной дорогѣ до Фушуна, а оттуда по деко-вильской конной желѣзной дорогѣ.

До этого времени произошли слѣдующія событія, а именно. 6-го февраля японцы напали на Хабалинскій переваль, находящійся въ 10-ти верстахъ къ югу противъ центра нашихъ позицій у Цинхечена; на лѣвомъ флангѣ 6-го февраля была попытка съ нашей стороны перейти въ наступленіе, но безрезультатно; 7-го февраля происходилъ бой на Ванзелинскомъ перевалѣ. Онъ находится въ 10-ти верстахъ къ югу-востоку отъ нашего лѣваго фланга Цинхеченскихъ позицій. 8-го февраля было начало перехода въ наступленіе нашихъ войскъ. 9-го мы продвинулись немного впередъ, а къ вечеру отошли на главныя позиціи. 10-го происходилъ бой на главныхъ позиціяхъ. Японцами была взята Берсневская сопка—ключъ позиціи. 11-го февраля—продолженіе боя, занятіе противникомъ Цинхечена. 12-го февраля временное затишье, и, наконецъ, 13-го

японцы повели атаку въ 11 час. утра на Чейлинскій переваль и на Далинскій, гдѣ небольшой гор-

Устройство проволочныхъ загражденій на позиціи у Мацуньдана-

сти нашего лѣвофланговаго отряда, пришлось выдержать нѣсколько разъ бѣшеный штурмъ; нѣкоторыя роты разстрѣляли всѣ имѣвшіеся подъ рукой патроны и солдаты работали штыками.

Чтобы удержать Далинскій переваль былъ введенъ въ дѣло послѣдній резервъ. Генералъ Алексѣевъ, командовавшій этимъ отрядомъ, растерялся при видѣ критическаго положенія нашихъ войскъ и выпустилъ изъ рукъ командованіе. Каждый дѣйстви-

валь безъ связи, безъ взаимной поддержки; одни отступали, другіе шли впередъ, артилерія не знала, стрѣляетъ-ли она въ своихъ или въ противника, однимъ словомъ, была путаница предвѣстница паники. Такова въ краткихъ словахъ обстановка событій къ 5-ти час. вечера 13-го февраля, когда я прибылъ на лѣвый флангъ.

Чтобы имѣть ясное представленіе о томъ, что происходило, необходимо сказать нѣсколько словъ о мѣстности.*) Я только что говорилъ, что Цинхеченскій отрядъ при отступленіи остановился на Далинскомъ перевалѣ; въ верстахъ въ 12-ти къ сѣверу отъ него, у селенія Санлунью, начало конно-желѣзной дороги, которая проходитъ на сѣверъ черезъ Тюпинтай на протяженій 11-ти верстъ, далѣе на Мацаюнданъ еще 3 версты, и, наконецъ между Санлунью и Тюпинтаемъ, у деревни Убаньюцуза на востокъ отходитъ дорога ущельемъ на Синголинскій переваль. Значеніе этой дороги громадное, такъ какъ съ занятіемъ ея японцы отрѣзывали-бы путь отступленія всему Цинхеченскому отряду на Мацаюнданъ. А потому, первымъ распоряженіемъ генерала Ренненкампа, какъ только онъ принялъ отрядъ отъ генерала Алексѣева, было отправленіе на эту дорогу подполков-

*) Смотри карту.

ника Геждеу*) съ нѣсколькими ротами и двумя орудіями въ качествѣ заслона. Ровно въ пять съ половиною часовъ дня было получено донесеніе, что Геждеу не можетъ болѣе держатся подъ напоромъ превосходныхъ силъ противника и просить подкрѣпленія.

Такимъ образомъ, нужно было думать объ отступленіи всему отряду, дабы не быть отрѣзанными отъ Мацаюнданя. Между тѣмъ въ Санлунью были большіе склады продовольствія и снарядовъ, которые стали поспѣшно вывозить на вагонеткахъ и двуколкахъ, при чемъ начальникомъ отряда былъ посланъ подъесаулъ Филипповъ съ приказаніемъ провести въ порядкѣ обозы, хотъ бы для этого пришлось употребить въ дѣло оружіе не только противъ солдатъ, но и даже противъ своихъ офицеровъ, вносящихъ панику въ обозъ; въ тоже время генералъ Ранненкампфъ черезъ ординарцевъ объявилъ отряду, что уйдетъ съ арьергардомъ только тогда, когда всѣ запасы и вагонетки будутъ отправлены изъ Санлунью.

Наконецъ мы получили извѣстіе, что обозы достигли Тюпинтая и находились такимъ образомъ въ

*) По другимъ источникамъ Геждеу былъ посланъ еще раньше генераломъ Алексѣевымъ.

сравнительной безопасности. Тогда въ 9 часовъ вечера отрядъ съ Далинскаго перевала сталъ медленно отходить, отбиваясь отъ насѣдавшагося на него противника.

Весь день и вечеръ шель сильный снѣгъ, дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ, наступившія сумерки не давали возможности ничего разобрать даже въ двухъ шагахъ.

Между тѣмъ на пути нашего отступленія гремѣли орудійные выстрѣлы, въ темнотѣ сверкали разрывы шрапнели, освѣщая вершины горъ, гдѣ находились наши послѣднія позиціи. Въ тоже время намъ стало извѣстно, что Геждеу не можетъ болѣе держаться и отходить на Убаньюпузу.

Теперь было совершенно ясно, что насъ скоро отрѣжутъ и тогда придется пробиваться штыками. Слава Богу, что мы успѣли ранѣе отправить обозъ и артилерію; я не буду говорить, что пережили мы въ эту страшную ночь, окруженные почти со всѣхъ сторонъ неприятелемъ; мнѣ кажется, это всякій самъ пойметъ. Я шель съ генераломъ Ренненкампомъ пѣшкомъ, усталый и голодный, такъ какъ кони и запасы не успѣли подойти къ намъ и находились еще въ тылу. Спотыкаясь почти на каждомъ шагу, мы наткнулись въ темнотѣ на походную кухню, въ которой были убиты лошади; начальникъ отряда при-

казалъ не оставлять ея противнику и вести солдатамъ на себѣ.

Атака на Ключевую сопку.

Подходя къ Убаньюпузѣ, нашъ аріергардъ построился къ отступающимъ войскамъ Геждеу и намъ удалось послѣ штыкового боя отбросить противника версты на три отъ деревни.

Путь былъ снова освобожденъ и войска размѣстились на позиціи у селенія Убаньюпуза. Въ это время японцы перешли въ наступленіе на наши по-

зиціи, но были отбиты съ большими потерями; тѣмъ не менѣе черезъ три часа противникъ незамѣтно подкрался къ батарее, пользуясь снѣжною мятелю и тѣмнотою ночи, и открылъ ружейный огонь, чѣмъ сразу обнаружилъ себя и далъ возможность нашей артилеріи отбить атаку шрапнельнымъ огнемъ съ установкой трубки на картечь. Такъ закончился этотъ знаменательный и памятный для насъ день 13-го февраля.

14-го февраля.

Въ 6 часовъ утра 14-го февраля непріятель повелъ наступленіе на наши авангардныя позиціи у селенія Убаньюпуза безъ артиллерейской подготовки огнемъ. Около 10-ти часовъ утра загрохотали японскія орудія. Но уже черезъ двадцать минутъ ихъ заставила замолчать великолѣпно укрытая батарея подполковника Промтова. Наступленіе было отбито.

Этотъ временный успѣхъ далъ возможность укрѣпить наши передовыя позиціи; къ востоку отъ нихъ отходить дорога на Хумандяньлинскій переваль, занятый генераломъ Любавинымъ, который прикрывалъ нашъ лѣвый флангъ. Къ сѣверо-востоку отъ этого перевала находятся деревни Кудяза и Сяомогулинъ отъ послѣдней идетъ путь на Хуалинзу въ тылъ позиціи у Мацаюнданя (въ 8 верстахъ къ сѣверу отъ главныхъ позицій у Тюпинтая).

Въ часъ дня противникъ снова атаковалъ наши передовыя позиціи у селенія Убаньюпуза и одновременно съ этимъ повелъ наступленіе громадными силами на Хумандяньлинскій переваль съ цѣлью занять его и выйти во флангъ нашимъ позиціямъ у Тюпинтая.

А черезъ пятнадцать минутъ выяснилось, что у Кудязы, куда форсированнымъ маршемъ прибыла бригада 6-й Восточной-Сибирской стрѣлковой дивизіи съ генераломъ Даниловымъ во главѣ, идетъ тоже жаркій упорный бой.

Такимъ образомъ японцы, благодаря превосходству силъ, охватили нашъ центръ и лѣвый флангъ полукольцомъ, а съ захватомъ Кудязы угрожали нашему тылу у Мацаюнданя. Положеніе было критическое, тѣмъ не менѣе всюду съ радостью комментировался только что отданный приказъ генерала Ренненкампа по отряду, что онъ не отступитъ отъ Мацаюнданя безъ приказанія до тѣхъ поръ, пока останется хоть одинъ солдатъ.

Большинство спокойно, пожалуй даже равнодушно, приняло это распоряженіе умереть на своихъ позиціяхъ: бессонныя, тревожныя ночи подъ огнемъ противника, постоянное нервное напряженіе, недоданіе, 18-ти градусный морозъ, почлегъ на снѣгу— все это несомнѣнно притупило наши чувства, кромѣ одного: любви къ далекой, дорогой Россіи, въ которой конечно осуждаютъ насъ, что мы только «держимся», а не идемъ впередъ и не даемъ давно желанной всѣми побѣды. Но если мы пока не можемъ побѣдить, то сумѣемъ умереть. За эти полтора дня въ нашемъ небольшомъ отрядѣ, состояв-

шемъ изъ трехъ полковъ 71-й пѣхотной дивизіи, 22-го и 24-го Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ и бригады генерала Данилова, а также трехъ Забайкальскихъ казачихъ полковъ Любавина, выбыло болѣе 1000 человекъ.

Но возвращаясь къ событіямъ. Бой разгорается по всей линіи: у деревни Убаньюпузы, и на Хуманданьлинскомъ перевалѣ, и у Кудязы. Колонны противника спускаются въ долину для атаки нашихъ окоповъ у деревни Убаньюпуза.

Бѣглый огонь нашихъ батарей наноситъ имъ страшныя потери: весь путь и противоположныя склоны горъ покрыты ихъ трупами. Это какая то бойня. А японцы смыкаются и снова идутъ все впередъ и впередъ. Въ передовомъ окопѣ идетъ штыковой бой; свои и противники перемѣшались между собой; наша артилерія прекратила огонь изъ боязни поражать снарядами свои же роты.

Но во время посланные резервы по приказанію генерала Ренненкампа вышибли непріятеля, отступившаго въ безпорядкѣ и бросившаго даже часть своихъ передовыхъ позицій, которыя были заняты немедленно нашимъ авангардомъ.

Сейчасъ же стали проводить полевой телефонъ подъ огнемъ въ передовые окопы. Рядовой военно-

телеграфной роты Лазарь Шипковъ, несмотря на бѣглый шрапнельный огонь противника, безстрашно продолжалъ свою работу, пока его не сразила неприятельская пуля—однимъ героемъ стало меньше. А сколько ихъ умирало никому неизвѣстныхъ, никѣмъ изъ близкихъ не оплакиваемыхъ!

Около 8-ми часовъ вечера было получено донесеніе, что на Хумандяньлинскомъ перевалѣ и у Кудазы бой не ослабѣваетъ; наши по прежнему упорно обороняютъ свои позиціи, потери какъ у нихъ, такъ и у японцевъ весьма значительны, особенно у насъ въ офицерскомъ составѣ.

Окончательно выяснилось, что противъ Данилова дѣйствуютъ Портъ-Артурскія войска; у одного убитаго японца нашли русскіе генеральскіе погоны съ клеймомъ артурскаго экономическаго общества.

Къ десяти часамъ вечера обѣ стороны настолько переутомились, что поневолѣ бой по всей линіи самъ собой затихъ и только въ 11 часовъ одинъ изъ задремавшихъ японскихъ часовыхъ выстрѣлилъ спронежя; противникъ переполошился, началъ разстрѣливать свой лѣвый флангъ, принявъ его за нашу обходную колонну, и только черезъ полчаса выяснилось недоразумѣніе и японцы успокоились.

15-го Февраля.

Съ 9-ти часовъ утра противникъ снова перешелъ въ наступленіе на авангардныя позиціи у деревни Убаньюпузы и на генерала Любавина на Хумандяньлинскомъ перевалѣ.

Лѣвый флангъ авангарда, прикрывавшій путь отступленія Любавина на наши главныя позиціи у Тюпинтая, понесъ громадныя потери, вслѣдствіе чего отодвинулся на 50 сажень назадъ.

Это дало возможность японцамъ обстрѣливать дорогу отъ Хумандяньлинскаго перевала. Между тѣмъ положеніе генерала Любавина было чрезвычайно тяжелое: его обходили съ обѣихъ фланговъ и вынуждали отступить, но отходъ по дорогѣ, которую только что получили возможность обстрѣливать японцы, куда они, очевидно, насъ толкали, сдѣлался уже невыносимымъ. Тогда для соединенія съ главными силами Любавинъ сталъ отступать съ боемъ по горной тропинкѣ, но по ней, конечно, не могли пройти двуколки съ патронами и ранеными. Какъ это было не грустно, но иного выхода не было, они были направлены по дорогѣ, которую уже обстрѣливалъ артилерійскимъ огнемъ противникъ.

Къ счастью, конвой и двуколки благополучно

проскользнули карьеромъ, понеся незначительныя потери. Отступая, горная батарея въ отрядѣ генерала Любавина успѣла подбить два японскихъ орудія и три пулемета. Только около 5-ти часовъ дня генералъ Любавинъ присоединился къ главнымъ силамъ, не оставивъ неприятелю ни одного раненаго и ни одной двуколки.

Чтобы понять послѣдующее, необходимо снова возвратиться къ топографіи мѣстности. Къ сѣверу отъ Мацаюнданя, верстахъ въ трехъ лежитъ деревня Хуалинза; отъ нея отходитъ дорога на востокъ черезъ Тунсыхолинскій переваль на селеніе Сяомогулинъ, которое южнѣе Кудязы на двѣ съ половиной версты. Съ 11 часовъ утра 15-го же февраля японцы одновременно атаковали наши войска на Тунсыхолинскомъ перевалѣ и у Кудязы.

Несмотря на огонь неприятельскихъ орудій, мы отбили эти атаки.

До двухъ часовъ дня неприятель ограничивался только тѣмъ, что обсыпалъ насъ шимозами и шрапнелями, но въ два съ половиной часа наступленіе повторилось и опять таки безъ всякаго успѣха для японцевъ. А въ четыре часа дня подполковникъ Мартышевскій, защищавшій Тунсыхолинскій переваль, отбросилъ противника, захвативъ нѣсколько плѣнныхъ.

Въ тоже время генералъ Даниловъ перешелъ самъ въ наступленіе изъ Кудязы на Сяомогулинъ, дабы не дать возможности противнику занять этотъ важный пунктъ, открывающій дорогу въ тылъ нашихъ позицій у Мацаюнданя. Неприятель отступалъ, оказывая упорное сопротивление. Каждую пядь земли приходилось брать съ бою, который окончился только къ 11-ти часамъ вечера.

Такимъ образомъ за день 15-го февраля мы удержали всѣ позиціи на югѣ за собой и продвинулись впередъ на востокъ нашимъ крайнимъ лѣвымъ флангомъ.

Кромѣ того, войска генерала Любавина присоединились къ главнымъ силамъ генерала Экка, выйдя изъ неприятнаго и рискованнаго положенія. Наши потери на этотъ день: 500 раненыхъ нижнихъ чиновъ и 11 офицеровъ. О числѣ убитыхъ, къ сожалѣнію, не имѣю свѣдѣній.

Свѣдѣнія о раненыхъ я получилъ въ госпиталѣ у Мацаюнданя, куда отправился взглянуть, пользуясь временнымъ затишьемъ на нашихъ позиціяхъ.

Лазаретъ расположился почти у самой горы. Въ наскоро прибранной фанзѣ кипитъ работа; сюда со всѣхъ концовъ поля сраженія стекаются раненые... большинство плетутся, ползутъ сами; тяжело ране-

ныхъ подносятъ на рукахъ, носилкахъ или везутъ въ двуколкахъ.

Стоны, крики, причитыванія, искаженные страданіемъ лица, обнаженные, зіяющія раны и кровь, кровь на шенеляхъ, полушубкахъ, папахахъ, ичагахъ и носилкахъ.

Зато какимъ безмолвіемъ, страннымъ спокойствіемъ вѣетъ отъ группы солдатъ подъ навѣсомъ въ углу двора.

Все чаще и чаще несутъ туда перевязанныхъ изъ фанзы.

«А эти что?» спрашиваю фельдшера, сортировавшаго раненыхъ.

— «Они уже не нуждаются, больше въ медицинской помощи, это уже мертвые», отвѣчаетъ тотъ. «Ну, тащи вотъ этого теперь!» кричитъ онъ санитарамъ.

Тѣ осторожно поднимаютъ съ земли стрѣлка и несутъ его въ фанзу. На большомъ китайскомъ столѣ, покрытомъ бѣлой клеенкой, лежитъ бородастый солдатъ, совершенно обнаженный... Крѣпко вцѣпился онъ руками въ края стола—видимо боль страшная, но терпитъ безъ стона, только зубами поскрипываетъ.

А надъ нимъ, слегка наклонившись, съ засученными рукавами копошится докторъ Перимовъ.

Несмотря на холодъ въ фанзѣ, потъ крупными каплями струится по его лицу; ежеминутно обтираетъ онъ его о свое плечо, между тѣмъ какъ окровавленные руки быстро, быстро двигаются.

Временами онъ отпускаетъ ихъ въ тазъ съ теплой водой, обмываетъ спиртомъ и снова со скальпелемъ въ рукахъ работаетъ безъ передышки и отдыха.

Вдругъ раздается дикій животный крикъ бородастого стрѣлка.., кровь брызнула изъ его ноги, разрѣзанной почти до самой кости, которую раздробилъ осколокъ снаряда.

«Поскорѣй дайте Пiana, еще одинъ» слышится голосъ Перимова. А изъ перерѣзанныхъ кровеносныхъ сосудовъ оперируемаго быстро сруится кровь... нѣсколько капель попали на чистый бѣлый халатъ доктора. Цѣлый рядъ зажимовъ Пiana, по внѣшнему виду очень похожихъ на маленькіе ножницы, висятъ на сосудахъ, чтобы прекратить кровотеченіе.

Разрѣзанныя, раздвинутыя части бедра, словно два громадныхъ куска мяса, даютъ возможность видѣть обнаженную, раздробленную кость.

Стрѣлокъ уже не шевелится: маленькій кисейный колпачекъ пропитанный хлороформомъ, погрузилъ его въ глубокой сонъ.

Молодой врачъ съ измученнымъ, усталымъ лицомъ держитъ руку оперируемаго и слѣдитъ за пульсомъ.

— «Распаторъ» *) кричитъ докторъ Перимовъ.

Я не узнаю его голоса, повидимому, человекъ нервничаетъ, такъ какъ неожиданно-негаданно пришлось дѣлать немедленно сложную операцію ампутирования ноги выше колѣна при крайне плохихъ условіяхъ антисептики и при отсутствіи самыхъ необходимыхъ припасовъ; а тутъ еще нравственная отвѣтственность въ случаѣ неудачнаго исхода... конечно, это не способствуетъ укрѣпленію нервовъ, равно какъ и сознаніе своего безсилія помочь, облегчить страданіе раненыхъ, благодаря недостатку то того, то другого.

Я помню, однажды, докторъ Перимовъ чуть не плакалъ, когда раненыхъ нечѣмъ было перевязывать. Вотъ и теперь ему чего то не хватаетъ для работы и доброе, славное лицо искажено страданіемъ.

А въ его рукахъ уже блеститъ пила... рѣзкіе, непріятные звуки долетаютъ до меня... Отъ нихъ словно мураши забѣгали по спинѣ, я невольно за-

*) Инструментъ, употребляемый въ операціи для расширенія раны.

крываю глаза. Потомъ вновь открываю... вмѣсто ноги громадный комъ ваты, который осторожно бинтуютъ фельдшера.

Стрѣлокъ снова стонетъ и какъ то по дѣтски, жалобно всхлипываетъ... ему даютъ глотокъ вина, онъ жадно припадаетъ запекшими, посинѣлыми губами къ кружкѣ, и опять несутся тихіе стоны и причитыванія.

Какъ больно они отзываются въ сердцѣ...

Нѣтъ, скорѣй, скорѣй отъ этихъ ужасныхъ картинъ, изъ этой страшной фанзы, гдѣ все собралось искалѣченное, исковерканное, какъ вотъ эта отнятая, безжизненная, желтая, съ крючковатыми грязными пальцами нога.

Да, бесконечно ужасна изнанка войны!

16-го февраля.

Съ 6-ти часовъ утра противникъ двинулся большими колоннами на центръ нашихъ позицій у селенія Убаньюпузы.

На бѣломъ снѣгу отчетливо видны его цѣпи, по частямъ перебѣгающіе впередъ. Ближе... и ближе. Вотъ залегли и открыли пачечный огонь. Горсть нашихъ стрѣлковъ съ подполковникомъ генеральнаго штаба Владиміромъ Михайловичемъ Можейко еще сдерживаетъ ихъ въ передовомъ окопѣ.

Огонь нашихъ винтовокъ словно теряется въ ружейной трескотнѣ японцевъ, которые, несмотря на страшную потерю отъ русскихъ шрапнелей, уже подошли къ окопу, ... лѣзутъ на него... Точно ураганъ несется... Слышны ихъ торжествующіе крики, окопъ вѣдь взять, въ немъ никого уже не осталось, кромѣ Можейко... Онъ одинъ—капитанъ этого утпающаго корабля. Вотъ сейчасъ корабль пойдетъ ко дну... Могучій свирѣпый вѣтеръ гонитъ громадные волны... все ближе и ближе... сколько ихъ. Вотъ чудовищная волна, пѣнясь, поднялась, захлестнула, залила палубу и наконецъ... совсѣмъ pokrыла—корабль пошелъ ко дну... Можейко палъ.

А съ сосѣднихъ сопокъ наша пѣхота, которую

тоже тѣснили японцы, бросилась на противника въ штыки и стала пробивать дорогу къ тѣлу Можейки. Гулко заговорили вершины горъ, занятыхъ непріятельскими батареями. Цѣлый свинцовый градъ посыпался на смѣльчаковъ; тогда имъ приказали отойти назадъ.

Окопъ остался нейтральнымъ; къ нему ползутъ трое стрѣлковъ; двоихъ на мѣстѣ кладутъ непріятельскія пули, но третьему—молодому стрѣлку Ильѣ Плюсکو—удается снять вооруженіе и карты съ убитаго Можейки; тутъ же подъ огнемъ противника онъ отрѣзываетъ погонь съ мертваго японца, захватываетъ его винтовку и благополучно возвращается къ своимъ.

На погонѣ цифра 44 даетъ ясное доказательство, что противъ насъ часть войскъ генерала Ноги. Бой начинается стихать. На позиціяхъ полное безмолвіе. Слово передъ бурей все приникло на время.

И гроза не замедлила разразиться... въ два часа загремѣли японскія орудія, заговорили свое однообразное непріятное та-та-та-та пулеметы. Огонь все разгорался; становилось очевиднымъ, что противникъ подготавливаетъ атаку.

И дѣйствительно, черезъ полчаса японцы снова пошли на приступъ праваго фланга главныхъ позицій, которыя защищаль полковникъ Некрасовъ;

ему удалось отразить наступление и противник отошелъ на свое мѣсто.

Въ 5-ть часовъ дня и въ 7 часовъ вечера японцы повторили атаки, предварительно доведя свой ружейный и орудійный огонь до неистовства, но снова были отбиты, понеся большія потери.

Но и намъ было нелегче, такъ какъ мы потеряли за этотъ день только одними ранеными 1084 человекъ; въ нѣкоторыхъ ротахъ осталось не болѣе одной пятой нормального состава. Убыль въ офицерахъ тоже велика.

У Кудязы генераль Даниловъ весь день велъ упорный бой, удерживая свои позиціи, причемъ у него вышло изъ строя болѣе 700 человекъ и контуженъ генеральнаго штаба подполковникъ Гаврилица.

Несмотря на крайнее утомленіе, рядъ отбитыхъ атакъ успокоительно дѣйствуетъ на состояніе духа войскъ, ибо съ каждымъ днемъ растетъ увѣренность въ успѣхъ.

Такъ закончился день 16-го февраля.

17-е февраля.

Въ 6 часовъ утра японцы начали обстрѣливать наши позиціи у селенія Убаньюпузы и съ разсвѣтомъ повели общую атаку.

Встрѣченный жестокимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, противникъ повернулъ назадъ, устлая южные склоны горъ своими трупами. Въ это время и генералу Любавину удалось продвинуться впередъ съ Тунсыхолинскаго перевала, занять командующую высоту къ юго-востоку отъ Тамыгушаня. Это движеніе выручило войска Данилова, едва успѣвавшего отбивать атаки противника, и въ то же время дало возможность войти въ боевую связь отрядамъ обоихъ генераловъ, въ чемъ являлась крайняя необходимость.

Съ 10-ти часовъ утра непріятельскія батареи участили огонь, доведя его до максимума, подготавливая общую атаку. Последняя была произведена одновременно и на генерала Любавина, и на позиціи у деревни Убаньюпуза.

Черезъ полчаса Любавинъ попросилъ подкрѣпленія, въ виду крайне тяжелаго положенія. Ему выдѣлили часть нашего маленькаго резерва, а въ 12 часовъ 30 минутъ японцы бросились на насъ.

и, несмотря на отчаянное сопротивление, заняли такъ называемую «Ключевую сопку» *); къ тому же выяснилось, что у насъ почти не осталось патроновъ и снарядовъ, которые почему то опоздали намъ прислать. Въ резервъ мы имѣли только двѣ роты при знаменахъ всѣхъ полковъ.

Было для всѣхъ очевидно, что наступили послѣднія мгновения борьбы и нужно умирать. Солдаты были угрюмы и сосредоточены.

Въ эту тяжелую для насъ минуту появился на позиціяхъ священникъ Николай Архангельскій въ облаченіи. Солдаты благоговѣнно стали подходить къ кресту и принимали благословеніе. Послѣ чего генераль Аліевъ, получившій георгіевскій крестъ еще за Ляоянскій бой, повелъ цѣпи и послѣдніе резервы въ атаку на «Ключевую сопку» съ распущенными знаменами и оркестромъ музыки впереди.

Не доходя двадцати сажень до нея, находится высокая гора, которую намъ удалось отбить и поставить тамъ знамена. Такимъ образомъ появилось новое названіе сопки «Знаменной».

Давъ передохнуть, генераль Аліевъ снова повелъ ихъ въ атаку на «Ключевую сопку». Противникъ

*) Комендантомъ которой былъ подполковникъ Дриссаго пѣх. полка 71-й дивизіи Значко-Яворскій, раненъ въ ногу.

былъ сбитъ и отступилъ съ нея съ большими потерями.

Но поддержанный резервами, неприятель самъ перешелъ въ наступленіе. Японцы начали подниматься вверхъ, покрывая черной тѣнью бѣлые склоны «Ключевой сопки»... Наши стрѣляютъ по нимъ выдержанными залпами, сберегая послѣдніе патроны... Вотъ японцы бросились въ штыки... на минуту общій ревъ... передніе ворвались въ окопы, оттуда послышались и точно оборвались нѣсколько десятковъ воплей. Мы были отброшены на «Знаменную сопку». Въ эту минуту былъ раненъ въ грудь храбрый и талантливый капитанъ генеральнаго штаба Анатолій Сахаровъ, назначенный начальникомъ штаба вмѣсто убитаго Можейко.

Дальнѣйшее движеніе противника было приостановлено штыками.

Въ четыре часа дня позиціи объѣзжалъ генераль Ренненкампфъ, прочитывая передъ войсками слѣдующую телеграмму главнокомандующаго: «Очень доволенъ вашими дѣйствіями, передайте благодарность отъ Государя вашимъ молодецкимъ войскамъ; увѣренъ, что задержите противника».

Въ такихъ случаяхъ принято писать, что вслѣдъ за этимъ раздалось громовое ура. Его не было. Никто не кричалъ; на столько всѣ были потрясены и

тронуты до глубины души вниманіемъ Государя. Оно влило намъ новыя силы для борьбы, новую готовность умирать на своихъ позиціяхъ.

Солдаты расходились по окопамъ, унося въ сердцѣ чувство горячей любви и преданность къ обожаемому Монарху; это чувство рвалось, просилось наружу... я видѣлъ воспаленные глаза солдатъ, почти не спавшихъ 12 сутокъ, видѣлъ какъ капали слезы на щедро политую ихъ кровью землю, слышалъ, какъ съ именемъ Христа связывалось неразрывно имя Царя.

Вотъ, что было нашимъ единственнымъ резервомъ въ этотъ тяжелый день, когда почти всѣ патроны были уже разстрѣляны.

Только въ шесть часовъ мы получили давно ожидаемые патроны и снаряды. Теперь мы могли сконцентрировать огонь нашихъ батарей по «Ключевой сопкѣ». Японцы несли страшныя потери, но удержали позицію, хотя саперныя работы вынуждены были прекратить. Сейчасъ получено донесеніе, что Даниловъ былъ атакованъ противникомъ, причемъ временно отрѣзанный японцами, одинъ изъ его полковъ отшибъ ихъ и смаху отнялъ три сопки неприятельской позиціи.

У Любавина идетъ незначительная перестрѣлка на Тунсыхолинскомъ перевалѣ. Къ передовымъ на-

шимъ цѣпямъ явился японецъ 44-го полка съ бѣлымъ флагомъ и знаками объяснилъ, что онъ страшно усталъ, хочетъ спать и ѣсть. Врачъ нашелъ въ немъ чрезвычайное переутомленіе; это еще разъ подтверждаетъ, что враги дѣлаютъ послѣднее усиліе. Огонь постепенно затихаетъ по всей линіи. Я отправляюсь въ Мацаюдань за приказаніями.

Вся дорога, насколько хватаетъ глазъ, запружена двуколками. Подѣзжаю ближе—оказывается транспортъ раненыхъ.

Ни стонувъ, ни криковъ, ни стenanій... Мертвымъ безмолвіемъ вѣетъ отъ этого страшнаго поѣзда.

Только скрипъ колесъ усовершенствованныхъ орудій пытокъ, т. е. двуколокъ, да стукъ копытъ нарушаютъ вечернюю тишину.

Большинство раненыхъ съ головой покрыты китайскими одѣлами или грязными шинелями со слѣдами запекшейся крови...

Въ двуколкахъ навалено по нѣсколько человѣкъ; нѣкоторые съ перевязанными головами, которыми ударяются при каждомъ толчкѣ объ ея края...

Вонъ у одного шинель свалилась въ сторону, повязка тоже сползла и обнажила зіяющую рану на груди, гдѣ все исковеркано, изрыто, повидимому, нѣсколькими осколками шрапнели...

Страшно осунувшееся, грязное лицо, заострившийся носъ, ввалившіеся съ темными кругами закрытые глаза производятъ тяжелое впечатлѣніе..

Безъ конца тянутся повозки... Сперва началъ считать, а потомъ бросилъ, когда цифра перешла за 700.

Вотъ въ одной двуколкѣ два раненыхъ, а посреди нихъ уже мертвый... съ каждымъ толчкомъ онъ ударяется о нихъ.

Смерть не успѣла еще наложить на его лицо свою печать — оно все еще искривлено отъ невыносимыхъ мученій, словно и за гробомъ онъ не нашелъ успокоенія...

А дальше... опять перевязанныя руки, ноги, головы и всюду слѣды крови, страдальческое, болѣзненное выраженіе глазъ.

Внутри васъ какъ будто упало, порвалось что-то при видѣ этой грустной картины...

18-е февраля.

Около 2-хъ часовъ ночи были слышны въ нашихъ цѣпяхъ саперныя работы, производимыя японцами на занятой ими «Ключевой сопкѣ». Нѣсколько человекъ охотниковъ подползли на 20 шаговъ къ противнику и были крайне удивлены, увидѣвъ бруствера изъ непріятельскихъ труповъ.

Объ этомъ было сообщено нашей батарее и она немедленно открыла огонь. Вскорѣ затрещала ружейная перестрѣлка, которая временами стихала, то снова разгоралась; такъ продолжалось до 8-ми часовъ утра, когда отдохнувшій противникъ атаковалъ наши центральныя позиціи у деревни Убаньюпуза.

Мы не узнали японцевъ: такъ вяло, словно машинально, они продвигались впередъ. Повидимому, вся ихъ энергія и храбрость разбилась о нашу твердую рѣшимость отстоять позиціи во что бы то ни стало. На нихъ мы положили около 6 тысячъ солдатъ и 100 офицеровъ; эти павшіе товарищи-герои свято и честно исполнили свой долгъ и мы нравственно обязаны передъ ними довести дѣло до конца.

Атака была отбита съ большимъ урономъ для

противника. Въ 10 час. утра и въ 3 часа дня она повторилась, но съ тѣми же результатами, какъ и раньше. Съ 5 часовъ дня, послѣ чрезвычайно сильнаго артиллерійскаго огня, японцы снова перешли въ наступленіе на «Знаменную сопку».

На этотъ разъ, подбодренные обнаженными шапками своихъ офицеровъ и получивъ свѣжее подкрѣпленіе, японцы стремительно бросились впередъ; начался неравный штыковой бой. Въ эту рѣшительную минуту во время подоспѣлъ начальникъ нашего авангарда генераль Аліевъ съ двумя резервными ротами, которыя смяли и отбросили назадъ противника. Въ этой свалкѣ былъ раненъ подполковникъ генеральнаго штаба Хростицкій, оставшійся въ строю, несмотря на рану, въ виду большого недостатка въ нашемъ отрядѣ офицеровъ генеральнаго штаба.

Въ теченіе этого же дня у Любавина на Тунсыхолинскомъ перевалѣ и у генерала Данилова при Кудязѣ шелъ незначительный бой, который къ 7-ми часамъ вечера принялъ серьезный характеръ. Посланная Даниловымъ въ обходъ японскаго лѣваго фланга, колонна подполковника Мартышевскаго заставила противника немного отступить. Одновременно съ этимъ генераль Любавинъ атаковалъ вы-

соту 194, находящуюся почти въ двухъ верстахъ къ юго-востоку отъ перевала.

Наши батареи обстрѣляли ее шрапнельнымъ огнемъ, но корректированіе трубки и прицѣла было крайне затруднительно, вслѣдствіе складокъ мѣстности.

Тогда подполковникъ генеральнаго штаба Дмитрій Гурко отправился самъ устанавливать телефонъ для передачи наблюденій на батарею.

Въ 300 шагахъ отъ непріятельскихъ цѣпей онъ былъ тяжело раненъ въ животъ. Колонна остановилась и благоприятный моментъ для атаки былъ упущенъ. Этимъ временнымъ замѣшательствомъ воспользовались японцы, но были отброшены дружнымъ натискомъ стрѣлковъ.

Съ послѣднимъ отпоромъ врагу бой сталъ затихать.

Наступалъ вечеръ; въ долинахъ ложился туманъ, скрывавшій далекія горы, дорогу и длинный безконечный транспортъ, направляющійся изъ Мацаюнданьскаго госпиталя.

Изъ мрака наступающей ночи несетя мнѣ навстрѣчу тихій, печальный мотивъ «Со святыми упокой»... слабое, колеблющееся пламя факела бросаетъ неровный свѣтъ на цѣлый рядъ носилокъ, покрытыхъ окровавленными шинелями. По очертанію можно судить, что подъ этимъ грубымъ, сѣрымъ

покровомъ лежать безотвѣтные труженики, честно исполнившіе свой долгъ.

А звуки дрожать, стонуть, рыдаютъ... безнадежная, все объемяющая тоска растеть и растеть... голова невольно склоняется ниже передъ останками этихъ страдальцевъ. Они заслужили вѣчнаго упокоенія со святыми... Кончились наконецъ ихъ лишенія, муки, они перешли въ новый міръ, гдѣ нѣтъ больше страданій, нѣтъ тѣхъ ужасовъ, которые творятся на землѣ... послѣднія ихъ жалобы и молитвы слышала только одинъ Богъ...

Снова мелькаютъ обнаженныя головы солдатъ, носилки... и тащутъ то ихъ тѣ, кого быть можетъ завтра поволокутъ на этихъ самыхъ носилкахъ... Грустныя, тяжелыя мысли проносятся въ головѣ; отъ нихъ болѣзненно, тоскливо сжимается сердце...

19-е февраля.

Весь день на главныхъ позиціяхъ идетъ редкая орудійная и ружейная перестрѣлка. Противникъ, новидимому отдыхаетъ, собираясь съ силами на завтра.

Сегодня ровно полмѣсяца постоянныхъ волненій, не прекращающихся боевъ въ нашемъ отрядѣ. Уже болѣе 120-ти атакъ выдержано незамѣтными героями-солдатами.

Возьмите любую исторію войны, даже самыхъ древнихъ временъ, когда оружіе не достигало современнаго, смертоноснаго своего дѣйствія, но и тогда нигдѣ ничего подобнаго не происходило... Не забудьте, что у противника, наступающаго на отрядъ Ренненкампа, почти вдвое больше войскъ, что промерзлая земля и недостатокъ свободныхъ рукъ и времени не позволяютъ намъ укрѣпить, какъ слѣдуетъ, позиціи; прибавьте потери нашего отряда за эти дни болѣе чѣмъ половину всего состава, невозможность, благодаря этому, хоть на время смѣнять утомленныя, измученныя войска и передъ вами встанетъ яркая, полная картина всего происходившаго на нашемъ лѣвомъ флангѣ.

Только что получилъ приказаніе проѣхать къ генералу Данилову, которому удалось сегодня въ семь часовъ вечера продвинуться впередъ своимъ правымъ флангомъ.

Ночь уже спустилась на землю, когда я возвращался отъ Данилова на главные позиціи.

Темная мгла скрыла подъ своимъ покровомъ всѣ слѣды дневнаго побоища. Но не надолго—вотъ загорѣлась одна звѣздочка... Сперва робко, потомъ все сильнѣй, за ней другая, третья и скоро весь темный, бархатный небосводъ словно разукрасился драгоценными камнями.

Высильлѣ и величавый мѣсяцъ... горныя вершины засеребрились въ его лунномъ свѣтѣ, мерцающемъ по снѣговой поверхности долины смерти.

Какъ памятна мнѣ эта долина, сколько ужасныхъ воспоминаній у меня связано съ ней. Сегодня здѣсь больше всего пролилось крови и нашей, и противника.

Съ сосѣднихъ сѣверныхъ сопокъ весь день громили орудія спустившихся въ нее японцевъ, атаковавшихъ артилерійскія позиціи съ удивительнымъ упорствомъ.

Они гибли сотнями отъ огня, но ихъ смѣняли новыя роты, баталіоны... Высились цѣлыя горы японскихъ труповъ, а свѣжія части непріятеля

пользовались ими, какъ искусственными закрытіями, и все продолжали наступать.

Здѣсь произошелъ около нашихъ окоповъ жестокій штыковый бой, въ которомъ никто не просилъ другъ у друга пощады, а, даже падая, старался схватить врага за горло.

А съ небесъ льется фантастичный лунный свѣтъ, озаряя эту мертвую долину, эти исковерканные трупы...

Мой конь осторожно ступаетъ, выбирая куда поставить ноги, фыркаетъ, храпитъ: словно и ему жутко среди этого царства мертвецовъ...

Вотъ онъ шарахнулся въ сторону...— на небольшомъ камнѣ сидитъ японецъ, словно живой... Видно пуля сразила его когда онъ на минутку рѣшилъ передохнуть, и превратила эту минуту въ вѣчность... А тотъ, что лежитъ навзничъ съ распростертыми руками и выпученными, словно стеклянными, глазами и открытымъ ртомъ съ оскаленными зубами, какъ будто все еще напрягается крикнуть «банзай».

Рядомъ, судя по желтымъ нашивкамъ на рукавахъ—японскій унтеръ-офицеръ съ кровавымъ кускомъ вмѣсто головы, оторванной снарядомъ... кругомъ замерзла лужа крови.

Тутъ же двое, нашъ и японецъ: проколовшіе одинъ другого штыками, да такъ и свалившіеся на

землю, не выпуская винтовокъ изъ окостенѣлыхъ рукъ.

А вотъ и казакъ-забайкалецъ съ желтыми лампасами... На широкомъ, открытомъ лицѣ застыла послѣдняя улыбка, словно ему все еще грезится что то свѣтлое, родное.

Дальше стрѣлокъ, скорчившійся какъ будто отъ холода, лежитъ на боку съ искаженнымъ отъ ужаса и боли лицомъ.

Въ шагахъ двухъ отъ него другой—навалился на японца, держать его за горло и душить... такъ и кажется, что душить до сихъ поръ врага, уже высунувшаго языкъ.

Нѣтъ это живые. Какой злобой и ненавистью вѣетъ отъ его изогнутой фигуры!

Стараюсь не смотрѣть внизъ—жутко, неприятно...

Такъ и чудится, что вдругъ кругомъ все оживетъ, опять съ остервененіемъ полѣзутъ другъ на друга, затрепещатъ ружья, опять гулко заговорятъ вершины горъ...

Мой конь уже скачетъ карьеромъ, инстинктивно угадывая желанія своего сѣдока...

Мелькаютъ трупы, трупы и трупы... Словно чудовищные, страшные призраки двигаются навстрѣчу, требуютъ отчета въ своей загубленной молодой жизни. Они шли другъ на друга, шли не по своей

волѣ, а потому свободны отъ всякой отвѣтственности передъ совѣстью и Богомъ за взаимное уничтоженіе. Кто же будетъ отвѣчать?

Тѣ кто, вели ихъ на это ужасное дѣло, въ томъ числѣ и я.

Опять эти тревожныя сомнѣнія; снова встаютъ со дна души проклятые, неразрѣшимые въ военное время вопросы... Куда уйти отъ нихъ? Они преслѣдуютъ, мучаютъ, терзаютъ меня, отъ нихъ нигдѣ не скроешься, не убѣжишь, потому что ихъ подсказала сама совѣсть.

Вотъ, слава Богу, и конецъ этой страшной долины. Дорога подымается въ гору. Я остановилъ на мгновенье коня и оглянулся въ послѣдній разъ на перевалѣ. Тихо въ морозномъ воздухѣ... На бѣлоснѣжномъ днѣ долины чернѣютъ неясныя точки... по прежнему летятъ холодный, лунный свѣтъ, по прежнему грустно мерцаютъ далекія звѣзды...

20-е февраля.

Съ десяти часовъ утра идетъ все усиливающійся артиллерійскій огонь противъ центра нашихъ позицій, а также противъ Любавина. Около 11-ти часовъ японцы перешли на него въ наступленіе, а черезъ 35 минутъ послѣдовала атака и на нашъ центръ, который острымъ угломъ врѣзывался въ линію расположенія противника.

Такимъ образомъ вся сила удара атаки должна была обрушиться на него. На этотъ разъ непріятель двигался впередъ густыми колонами, явно пренебрегая потерями отъ нашей артиллеріи, открывшей по японцамъ бѣглый огонь.

Тогда центру было приказано отойти на линію праваго и лѣваго фланговъ и огонь всѣхъ нашихъ батарей сосредоточился по оставленному гребню; противникъ не выдержалъ и подался назадъ. Ровно въ два часа дня непріятель сталъ наступать отъ «Ключевой сопки» на правый флангъ нашихъ главныхъ позицій, но былъ отброшенъ, послѣ чего японская артиллерія стала обстрѣливать насъ по площадямъ.

Между тѣмъ атака на Любавина, преимущественно на его лѣвый флангъ, велась японцами

крайне настойчиво. Несмотря на тяжелое положеніе своего лѣваго фланга, Любавинъ не трогалъ маленькаго резерва. Эта осторожность вполне оправдалась, такъ какъ противникъ главными силами вдругъ обрушился на его правый флангъ съ цѣлью прорваться между имъ и Даниловымъ, выйти на дорогу, ведущую на разѣздъ Консимогоу; послѣдній лежитъ въ 6-ти верстахъ къ сѣверу отъ Мацаюдана. Этимъ маневромъ, если бы онъ удался, японцы отрѣзывали бы намъ путь отступленія на Фушунь.

Поддержанный резервами, правый флангъ Любавина отбросилъ непріятеля. Японскія батареи разстрѣливали своихъ отступающихъ; тогда они снова бросились впередъ, но тутъ ихъ встрѣтила наша артиллерія и стрѣлки... Противникъ дрогнулъ и побѣжалъ.

Вслѣдствіе крайняго утомленія, наши войска не въ состояніи были преслѣдовать.

Начинало вечерѣть. Послѣдніе яркіе, золотистые лучи заходящаго солнца облили вершины горъ кроваво-краснымъ свѣтомъ; внизу ползли тѣни, подымаясь все выше и выше.

День медленно гасъ, а вмѣстѣ съ нимъ постепенно затихалъ бой.

21-е февраля.

Ночь сравнительно прошла спокойно. Сѣрый туманъ занялся 21-го февраля. Мгла окутывала дали; свинцовое небо точно давило вершины горъ у деревни Убаньюпуза.

Съ разсвѣтомъ загремѣли японскія орудія противъ нашихъ главныхъ позицій, а черезъ нѣсколько мгновений огонь непріятельскихъ батарей былъ направленъ и на Любавина. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовала атака на весь фронтъ нашего отряда, за исключеніемъ позиціи Данилова. Встрѣченный сильнымъ огнемъ, непріятель отступилъ съ большими потерями.

Около двухъ часовъ дня къ японцамъ прибыли подкрѣпленія и они снова перешли въ наступленіе; дѣло дошло до штыковъ, но и на этотъ разъ противникъ былъ отбитъ.

Въ три часа японцы стали сосредоточиваться противъ центра и сразу обрушились на него. Наши роты рѣдѣли, таяли подъ бѣшеннымъ огнемъ японцевъ, но остались на мѣстахъ и противникъ отхлынулъ назадъ. Въ то же время и Любавину удалось отразить три атаки, направленные на его позиціи; въ шесть часовъ они повторились. Против-

никъ стремительно продвигался впередъ густыми цѣпями и подошелъ почти къ самымъ нашимъ позиціямъ; тогда стрѣлки вскочили на ноги и, невзирая на сильный артиллерійскій огонь японскихъ батарей, успѣли въ упоръ дать шесть залповъ, послѣ чего непріятель въ полномъ безпорядкѣ бѣжалъ, очистивъ свои прежнія передовыя позиціи на первомъ гребнѣ. За то дѣла наши на главной позиціи и лѣвѣе центра около 7-ми часовъ вечера приняли неблагоприятный характеръ. Въ этомъ мѣстѣ японцы, несмотря на большія потери, штыковой атакой сбили наши войска, которыя немного подались назадъ.

Сейчасъ сдѣлано распоряженіе генераломъ Ренненкамфомъ: центру перейти въ наступленіе и вернуть прежнюю позицію.

Молча, безъ обычнаго крика «ура», стиснувъ зубы, бросились наши стрѣлки отбирать уступленные позиціи. Чѣмъ то стихійнымъ вѣяло отъ этой атаки.

Генераль Ренненкампфъ, пропустивъ ихъ мимо себя, когда они шли на приступъ, повернулъ коня домой, не дожидаясь окончанія дѣла, настолько онъ былъ увѣренъ въ благополучномъ исходѣ.

Для этого достаточно было взглянуть на лица

солдаты, озаренных ярким светом луны. Казалось, что для этой массы нет никаких преград: она все сметет, опрокинет, уничтожит на своем пути.

И действительно, к 11 час. 30 мин. мы вернули назад свои прежние позиции, покрыв их новыми японскими трупами.

22-е Февраля.

В 12 час. 20 мин. наш центр продвинулся вперед, захватил два японских пулемета, из которых стрелки начали обсыпать бегущего противника. Скоро по всей линии бой стал затихать, и измученные наши войска легли на позициях отдохнуть, отказавшись даже от ужина.

В 4 часа утра с чрезвычайным упорством противник повел новую атаку на главную позицию, левее центра и, опрокинув наши роты, сейчас поставил пулеметы.

Не ожидая приказаний, наши войска бросились вперед, смяли японцев, заняли свои прежние позиции, которые сегодня два раза переходили из рук в руки; при этой атаке мы захватили еще третий пулемет.

С десяти до двух часов дня непрерывные наступления японцев по всей линии фронта отбиты.

Настроение в войсках бодрое, светлое.

Вечером наш отряд получил приказание из штаба 1-й армии отступить назад к ркк Хунхэ, восточнее Фушуня.

Сперва никто не хотел этому верить, тем более,